

18+

В. Ермаков

Домовенок

Рассказы

В. Ермаков

Домовенок. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51386635

ISBN 9785449833723

Аннотация

«Домовенок» – это не сказка, скорее психологический триллер. Иметь в друзьях домового, который даже в нашей жизни даст дельный совет, растолкует сны из прошлой жизни, научит познавать мир с помощью своего же фантома и покажет клад, – это здорово. И снова зарисовки из дачной жизни. Куда ж без нее? Третью жизнь проводим на даче, иногда привнося в нее радужные нотки.

Содержание

Домовенок	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Домовенок Рассказы

В. Ермаков

Фотограф Владимир Ермаков

Благодарности:

Елена Сивкова

© В. Ермаков, 2020

© Владимир Ермаков, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-3372-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Домовенок

Глава 1

Не спалось. Прошедший день просто выжал наизнанку. Автоматические транспортные тележки, которые изготавливало и ремонтировало мое бюро «сыпались» одна за другой. Были ясны причины, почему они ломались. И я уже в постели, в очередной раз доказывал мысленно своему руководству, конструктору, механику о необходимости переработки конструкции проблемных механизмов, о необходимости закупки других комплектующих. Время ушло уже далеко за полночь, но я ворочался и ворочался, приводя все новые и новые доводы, уже по третьему кругу размышлений.

– Ты чего не спишь?

– Да, работа покоя не дает? – ответил я.

Но вдруг понял, что голос-то незнакомый и довольно странный. Я открыл глаза и взглядом уперся в глаза, круглые, большие, немигающие.

– Ты кто? – спросил я, совершенно не ощущая страха.

– Домовой.

– Какой домовой?

– Здешний домовой. Только не говори вслух, Лену разбудишь. И не закрывай глаза, я не такой страшный. Поговори

со мной. Я впервые встречаю в моем доме, что меня кто-то воспринимает, слышит и видит.

– Странно, но я совершенно не чувствую страха.

– Конечно. Приходится немного управлять тобой, иначе ты бы уже сидел на потолке в самом дальнем углу. Прошу, не говори вслух, я ведь с тобой не голосом общаюсь, а мысленно.

– Ладно, – голосом отвечаю я и, спохватившись, мысленно добавляю, – чего тебе надо?

– Просто поговори со мной, мне скучно общаться только с кошками. Они не понимают меня и постоянно гонятся за мной. У тебя ведь завтра суббота, на работу не надо и на дачу завтра не поедете.

– Это почему?

– Завтра дождь с утра и на целый день.

– Откуда ты знаешь?

– Никита с пятого этажа только что прогноз смотрел на завтра, я подсмотрел.

– А ко мне почему пришел на первый?

– Смотрю, ворочаешься бедолага, все никак от своих тележек отвязаться не можешь. Судя по твоим доводам, я понял, что ребята эти твои все понимают, но им лень принимать во внимание твои измышления. Это же все надо перелопачивать, переделывать, но сроки отпущенные уже ушли, а у них другой работы невпроворот. Ты все доказываешь Петровичу, что Леонида Андреича надо удержать лю-

бой ценой от увольнения. Я не знаю, что на это говорит сам Петрович, но ты уже заиклился на этом и все доказываешь ему, доказываешь – поэтому не можешь успокоиться и уснуть. Я тебе потом дам рецепт, как можно быстро засыпать, но не сейчас.

– Как ты меня с пятого этажа увидел?

– Я могу видеть сразу все.

– Сразу все? Вот интересно. Для чего тебе это?

– Я как бы душа, хранитель дома. Могу в нужный момент позвать на помощь.

– Как? Если тебя никто не видит и не ощущает?

– Косвенно. У Николая-храпуна на десятом этаже дыхание останавливается во сне, так я кота ему на грудь загоняю, бужу. Кстати, у жены твоей подобная проблема, учти.

– Я знаю.

– Знать мало, это для жизни опасно в зрелом возрасте.

– Так ты теперь вовремя это заметишь.

– Теперь буду следить, тебя разбужу если что.

– Спасибо, а ты что, все мысли мои читаешь?

– Да, в этом нет ничего странного. Природа создала нас такими, это как одна из обычных наших возможностей. Другое дело ты. Как бы это повежливей сказать – некоторый природный брак. Меня увидел только сейчас, среди ночи, среди маяты метания в рассуждениях. Хотя я давно вас знаю и вижу, с момента вашего заселения в наш дом.

Сейчас только полпервого ночи, завтра можешь спокой-

но спать до десяти. Леночка твоя сама раньше полдесятого не проснется.

– Почему так думаешь?

– Ну, ты даешь? Она же увидит дождь утром и не будет вставать и тебя не будет будить, чтоб не удумал врань под дождем на дачу поехать.

– Это запросто. Она бы с удовольствием и в солнце туда не ездила рано утром. И потом, какая рань? Мы пока утром соберемся, уже половина одиннадцатого бывает, пока приедем, пол двенадцатого. Пока обойдем и посмотрим что за неделю выросло – пора уже чай пить. Мы же не фанатики с лопатами и мотыгами наперевес. Мы вдвоем сами себе хозяева, что хотим, то и делаем.

– Вот это правильно. Ты только не спи сейчас.

– Как же, уснешь сейчас. Может перекусим немного? Я обычно, когда долго не засыпаю, чай с пряниками пью.

– Знаю, знаю. Именно на этом я тебя и заприметил. Ты как то странно смотришь на кухне, когда пьешь чай. Как будто высматриваешь кого.

– Ну, да, домового.

– Вот те раз. Но я не мог прочитать тебя в этот момент. Ты как то ускользающе-неясно думаешь. Мысли конкретно и я смогу тебя услышать.

– Еще что охраняешь?

– Ваш покой от неприкаянных душ, умерших в нашем доме людей.

– И что, много их у нас?

– Три.

– И как они беспокоят живых?

– Над вами, на третьем этаже, душа Натальи Ивановны изводит собаку, та постоянно лает, докучая соседям. Ты ведь слышишь часто собачий лай?

– Да, достала эта собака. Еле живая сама ходит, все никак не издохнет. А причина то в чем?

– Сосед у Натальи Ивановны алкоголик Виктор жил. Постоянно друзья, пьянки, дебоши. Она часто милицию вызывала, ругалась с ним. Один раз Виктор даже ударил ее, она в милицию заявила. А там только пятнадцать суток дали ему и отпустили. Он опять за старое, стращать начал Наталью Ивановну, двери похабными словами исписывал. А в последний раз на лестничной площадке толкнул ее, она упала, ударилась головой о ступеньку и умерла. Его арестовали, но через три месяца отпустили, не смогли поставить ему в вину убийство. С тех пор собака его и лает непрерывно. Я разговаривал с душой Натальи Ивановны, чтоб она оставила собаку в покое, весь этаж волнуется от собачьего лая. А она мне и говорит: «Они меня не поддерживали, музыку погромче делали, чтоб не слышать пьяных дебошей, я одна с пьяницей воевала. Теперь я им покоя не дам, пока Виктора в могилу не сведу». А Виктор уже перестал пить, печень надсадил.

– Может сказать Виктору, чтобы квартиру сменил? Она ведь не поедет за ним на новое место?

– Нет не поедет. Может быть будет докучать другим хозяевам квартиры, или за тебя возьмется, раз Виктора надумишь. Да и Виктор уже не в состоянии менять квартиру, немного ему осталось.

– А ты откуда знаешь?

– Вижу. Лечиться не лечится, по ночам не спит.

– А потом душа этой Натальи Ивановны куда денется?

– Скорее всего успокоится и уйдет в свой мир.

– Еще чья душа у нас томится?

– Замдиректора фирмы на пятом этаже. Умер от инфаркта, когда узнал, что на директора уголовное дело завели, боялся, что и его посадят. Очень уж мнительный был, точно также в постели себя истязал невысказанными проблемами по работе фирмы. Так и умер во сне. И сейчас его душа меня достает, все пытается доказать, как надо было правильно организовывать дело. А я же не знаю таких вещей, только слушаю и соглашаюсь с ней. Иначе будет докучать другим, которые не дай бог, увидят ее. Так что тебе совет, на пятый этаж без нужды не ходи или не обращай внимание на сущности, какие почувствуешь или заметишь. Потом отвязаться будет нелегко. Я теперь и сам тебя буду навещать, разговаривать. Но без принуждения, не хочешь, не разговаривай. Могу рассказать, кто чем занимается, кто где работает. Я тут частенько слышу, что ты хотел бы работу сменить, но не знаешь к кому из здешних жильцов обратиться. Как ты правильно догадываешься, в нашем доме много руководителей фирм,

организаций. Ты скажи мне, какая работа тебя больше интересует, я подскажу к кому можно обратиться, а кого лучше не замечать. Есть у нас и такие. И сразу скажу, с полковником не связывайся, он уже сам на краю пропасти, ищет как бы уволиться по тихому из органов.

– Интересное дело. Теперь ты мне будешь советовать с кем общаться из наших жильцов?

– Послушаешь моего совета, избежишь неприятностей. Есть тут одна темная личность, мысли у него очень нехорошие. Он директор автосалона и продает подержанные автомобили, и очень часто ворованные.

– Откуда ты знаешь это?

– Так он по телефону со своими поставщиками этих ворованных машин общается, заказывает, какие ему нужны. Потом перепродает своим заказчикам.

– А вот недавно тут у нас кто-то грандиозный ремонт затеял. Кто это?

– Начальник отдела снабжения строительной компании, купил здесь двухуровневую квартиру на десятом этаже. Сломал все тонкие перегородки и по-новому спроектировал и перестроил квартиру. Мечтает сюда своего сына по соседству на этаже поселить, но тот упирается. Хочет в Канаду уехать, а отец противится. Кстати, начальник этот, вроде как приличный мужчина. Очень деликатный, начитанный, любит путешествовать и мысли у него добрые, жена красивая, правда, вторая уже. Сын от первого брака, поэтому он

и не хочет жить рядом с отцом, мать свою жалеет. Можешь для начала к нему обратиться в поисках новой работы.

– К начальнику снабжения? И в качестве кого? В качестве менеджера по поставкам бетона на стройки?

– Что, не нравится? Будешь сидеть в кабинете, регулировать потоки.

– О, как. Это ты уже у этого начальника нахватался фраз?

– Да. Он частенько так говорит по телефону.

– А ведь странное дело, я сейчас не могу определиться, где бы я хотел работать.

– О, тогда это очень просто. Бери листок бумаги и пиши, чем бы ты хотел заниматься.

– Что прям щас?

– Все равно не спишь, валяешься. Встань и напиши, прояви усилие.

– Нет, я уж думал о таком методе. Ничего не хочу, только путешествовать и отдыхать с удочкой где-нибудь на камнях итальянского средиземноморья. Ловить рыбу, купаться и спать в тени на берегу моря.

– Покоя хочешь, а ведь не стар еще. Мог бы какую-нибудь пользу принести.

– Кому? Сколько можно кому то пользу приносить? Если бы эта польза была бы адекватна соответствующей оценке в денежном эквиваленте, которого бы хватало еще и на дайвинг возле средиземноморских камней, то можно было бы потерпеть ради хотя бы одного раза в год путешествия и нор-

мального отдыха.

– Выбери занятие, которое тебе больше всего нравится и найди такую работу. Будешь с удовольствием работать и за это еще и деньги получать.

– Я же говорю, рыбачить люблю, вернее, любил, лет так сорок назад.

– Вот и иди работать рыбаком на рыбный траулер, на Камчатку.

– Ты, домовенок, вообще, представляешь что такое рыбный промысел, да еще на Камчатке.

– По телевизору видел. Рыбы завались, кругом море, чайки, голубое небо.

– Да, рыбы завались, море, чайки. Только небо голубое тогда, когда погода позволяет и съемку можно проводить. А в основном, сплошная сырость, ветер, холод, по два месяца в плавании и труд больше физический. И про зарплату молчок. Ладно, ты еще про третью неприкаянную душу не рассказал.

– Она на пятом этаже. Девочка там жила, не девочка, просто ангел небесный. Когда она через нашу вахту проходила, всегда здоровалась, а работницы просто умилялись. Все восторгались ее красотой. Лет пять ей было. И я скажу, действительно, очень красивая была, как ваша Мальвина. Болела только часто. Мать ее особой красотой не выделялась, и отец особенно не блистал. Как мать говорила: «Вся в бабушку. Та в молодости сколько мужиков с ума свела, не пе-

речь. Один даже в армии застрелился, когда она перестала ему писать. Вот красота и болезни за грехи бабкины ей передались.» И вот как то портрет у них дома появился, карандашный рисунок Настены. Так девочку звали. Не рисунок, почти фотография. Как живая она на том рисунке. Я сам сколько раз смотрел на него. Мать ее свекрови по телефону рассказывала: " На городской праздник пошли все вместе на набережную, затем на площадь и вдруг меня кто то схватил за руку. Уличный художник. Давайте, говорит, я портрет вашей девочки нарисую. Я как то растерялась, а он уже Настену на стульчик усадил и говорит ей, чтобы она посидела, отдохнула, а то ножки устали и ходить еще долго. Настена уселась. Она действительно устала. А он говорит мне: «Я быстро». И стал быстро, быстро рисовать. Рисует и с Настеной так ласково разговаривает. Что она просто прелесть, симпатяшка, одна на миллион. А та сидит, ножками болтает, улыбается ему. Я села рядом на скамью, отдыхала и наблюдала. Потом смотрю, люди стали останавливаться, смотреть на Настену, улыбаются, а потом из-за плеча художника сравнивали с оригиналом. Все были просто в недоумении. Некоторые с детьми даже в очередь к художнику стали вставать. Я не вытерпела и тоже подошла к художнику, да и времени прошел уже час. То что я увидела, это было просто чудо. Настена на рисунке была как живая. И слышу, люди рядом стоят и шепчутся: «Смотри – как живая, просто прелесть». Художник еще минут двадцать что то подправлял, потом отки-

нулся на стульчике назад, посмотрел, сравнил и сказал: «Вот, то что надо. Это то, что я так долго искал». Он дал мне рисунок. Я спросила: «Сколько надо за работу?». Он так удивился: «Вы что? Это я вам должен заплатить. В вашей девочке я нашел то, что искал вот уже почти три года. Образ. Он мне снился почти каждую ночь, но утром я никак не мог его ухватить, он все время куда то ускользал. Я извелся весь. И сегодня меня ноги сами сюда привели, будто кто то свыше меня подтолкнул в этот день на площадь. Теперь мой ускользающий образ в моей голове. Девочка ваша просто чудо, спасибо». Мы пошли дальше гулять. Дома Николай хотел заламинировать рисунок, но мне показалось, что можно все испортить и повесили так, в рамке над кроватью Настены».

Потом многие родственники, когда приезжали в гости, смотрели на этот портрет и восторгались. Я по ночам забредал к ней в комнату и подолгу смотрел на нее на портрете и на спящую. А потом Настена умерла, во сне. Мать ее чуть с ума не сошла, выла как собака несколько дней. Николай, муж ее, хотел уже в психбольницу везти ее. Но кто то посоветовал на дом вызвать психотерапевта и тот за несколько сеансов более-менее успокоил ее. Но теперь, иногда по ночам воеет душа Настены. Она здесь осталась. Смотрит долго на портрет и начинает выть. Приходят мать с отцом ночью, смотрят на портрет, слышат этот вой и ничего понять не могут. Мать перестала спать. Днем чуть прикорнет и ходит, ходит по квартире, специально дверь в комнату Насте-

ны не закрывает, чтобы портрет было видно. А ночью, вместе с душой подвывать начинает, качается перед портретом и воет. Соседи ругаться уже стали. Муж экстрасенсов приводил, чтобы они «почистили квартиру». Но ненадолго хватает. В следующее полнолуние все опять повторяется и продолжается через день-два. Я спрашиваю душу: «Чего мать ее изводишь? Иди уже к себе». А она говорит: «Куда же я пойду? Вот ведь она здесь, живая, только молчит, не разговаривает со мной». Мать уже сама на покойника походит, еще год и сляжет. Никуда не выходит из дома, все со своей Настеной разговаривает. И мужу рассказывает: «Сегодня Настена сказала... Настена смеялась... Настена жалеет меня». Хочешь на портрет посмотреть?

– Как? В гости напроситься, портрет посмотреть?

– Да зачем? Ночью, когда будет спокойно, я проведу тебя.

– Дверь их квартиры мне откроешь?

– Примитивные вы все таки люди. Ты и сам можешь все увидеть. Переместиться не сможешь, телесная твоя оболочка не даст, а фантомчика можешь запустить.

– Какого фантомчика?

– Твоего внутреннего. Ну, душа твоя, если по-вашему, по понятному.

– А тело как?

– Тело? А что тело? Тело ждет без движения. У вас в этом отношении лучше чем у нас. Вы можете присутствовать и ощущать себя одновременно в двух субстанциях. Но за-

то в физическом аспекте телесная оболочка травматична и приносит большую проблему энергетической духовной, ей сложнее управлять своими телесами. Некоторые продвинутые индивидуумы среди вас, зная об этом на подсознательном уровне, тренируют обе субстанции одновременно. Такие лучше выдерживают сложные ситуации, например, неожиданные травмы, катастрофы. А медленно текущие процессы они могут вообще сгладить или даже предотвратить, такие как семейная разборка или предстоящая взбучка у начальника.

– И как я смогу этого фантомчика запускать?

– Очень просто, достаточно осознать, что такое явление возможно и тренироваться. Сначала из состояния полной расслабленности и покоя, а потом просто из состояния покоя – отпускаешь из себя душу свою. Она посмотрит, ты увидишь. Связь не прерывается, ты можешь видеть все, что она видит на любом расстоянии. Ну, ей легче проникнуть куда угодно.

– А ты мне часом по ушам не едешь? Тебе хочется поболтать, ты и выдумываешь небылицы.

– В отличии от вас, телесных, у нас нет таких отрицательных качеств как обман, зависть, злость, или таких хороших как радость, нежность. Мы просто фиксируем событие без какого-либо анализа и чувственного отношения к нему. Это просто, нет волнения и необходимости какой-либо реакции на событие.

– И как душу отпустить?

– Просто. Лежишь, расслабляешься, но не засыпаешь и отпускаешь.

– А что ж ты, домовенок, в тело какое-нибудь свободное не зайдешь? Раз так все просто. Душа чья-нибудь где-то шляется, а ты войди в ее оболочку, почувствуй вкус настоящей жизни.

– У нас природа разная с вашими душами. Ну, что, пробуем?

– Давай.

– Расслабься до такой степени, будто растекаешься по постели, дыхание неглубокое, поверхностное, мыслей нет никаких, и отпуская медленно тело совсем, будто оно стекает с тебя, и спокойней, без удивления приподнимайся над ним. Вот видишь, ты уже над ним.

Индикация часов медленно проплывает слева от меня и я ощущаю себя уже где то у потолка, смотрю вниз. Тело-я лежит, как ни в чем не бывало, и дышит. И как ни странно нет никакого удивления, изменилось восприятие. Я вижу все отчетливо, как человек.

– Когда я вернусь в тело, тоже все забуду.

– Нет, здесь осознанная фантомность, управляемая, поэтому будешь помнить все до мельчайших подробностей. Давай сначала к Пахомычу заглянем на третий. Он сегодня опять наклюкался, как говорит его жена, и в полнейшем бессознательно состоянии. Душа его до утра не вернется. Вот

и попробуем в его тело войти.

– Это еще зачем? А если застрянешь в нем?

– В чужом теле застрять невозможно, при желании в любой момент можно выйти. Плыви за мной и не фокусируй взгляд на якобы препятствиях, смотри расслабленно широко, замечай все.

Мы протекли через две плиты перекрытия и остановились в комнате. На диване лежало тело старика, которого я частенько видел во дворе. Жена говорила про него, что слишком выпивать стал. Пахомыч, как звали это тело, лежал навзничь и будто не дышал. Я в таком положении храплю на всю ивановскую.

– Вот и Пахомыч. Давай, войди в него и своди тело в туалет, пока он опять под себя не сходил.

– И для этого ты меня сюда позвал? Я же им рулить не смогу, в нем бутылка водки наверняка. Его родная душа и смылась от перегара.

– Попробуй. На сколько тебя хватит. Не сможешь, бросишь, дальше пойдем. Меня интересует вообще возможность такого действия.

– Домовой-экспериментатор, – ругнулся я и завис над телом.

– Ты войди в тело и попробуй его почувствовать. Это как плащ большой – одел и натягиваешь на себя.

Я осторожно вошел в тело, вздохнул и машинально свел руки, как бы запахиваясь, закрываясь. Первое ощущение бы-

ло словно на зыбкой воде. Все колыхалось, дрожало, глаза бегали по кругу независимо друг от друга и поэтому никак не мог сфокусировать взгляд на чем-нибудь. Словно издале-ка я услышал голос:

– Сосредоточься на голове, ознакомься с мозгом, ты должен это сделать.

Я воспроизвел какое-то усилие, показалось – напряг голову. И через некоторое мгновение вихрь зрительных образов обрушился на меня: замелькали лица, дома, деревья, вода, степь; какофония звуков накрыла словно волна и я задрожал всем телом. В области живота возникло какое то бурление и через тело наружу, через рот брызнула масса. Я содрогнулся от мерзопакостного смрада, но почувствовалось некоторое облегчение, и глаза потихоньку начали находить точку опоры на потолке, пока, наконец, не зацепились за лампочку.

– Домовенок, ты здесь? – прохрипел я.

– Здесь, здесь, – два огромных красных глаза закрыли свет, – попробуй пошевелить рукой.

Я пошевелил пальцами.

– Подними ее.

С трудом приподнял правую руку и бросил обратно.

– Вот видишь, получается, – невозмутимо произнес домовенок, – правда, Пахомыч никогда не блевал в постели, ну это не страшно. Попробуй теперь встать, хоть до туалета дойти.

– Домовенок, я задыхаюсь. У меня в башке какой-то цвет-

ной калейдоскоп из картинок и все кружится. Вряд ли я смогу подняться, тут надо долго привыкать к телу, я держусь из последних сил – выпусти меня обратно.

– Ладно, все как обычно, расслабься и отпусти его сам.

Я попытался расслабиться, но все тело дрожало мелкой дрожью, я не мог сосредоточиться, голова звенела медным колоколом и аккордеонными переливами, дикими взвизгами и матерными словами. И, вдруг, я увидел чистое пронзительное голубое небо и почувствовал запах степи. Я лежал на сене в телеге, а телега медленно плыла. Я расслабился и оттолкнулся вверх к небу и все исчезло. Я ощутил такое дикое блаженство, что даже застонал.

– Ты че стонешь? Болит что то? – я почувствовал толчок в бок и услышал голос жены.

– Нет, сон дурацкий приснился, спи, – я открыл глаза. Часы ярко освещали комнату, мою комнату, – бред какой то, приснится же такое, водички пивнуть надо.

Я прошел на кухню, огляделся.

– Домовенок, – позвал я, скорее проверяюще.

– Ну, что? Получилось? – два больших красных глаза домовенка уставились мне в упор.

Я вздрогнул от неожиданности:

– А мне показалось, что все это приснилось.

– Видишь? Лена тебя позвала и ты сразу же откликнулся.

Меня вдруг передернула нервная дрожь от воспоминания тела Пахомыча.

– Знаешь, я, пожалуй, приму душ, до того все это было омерзительно. Теперь такое ощущение, будто пьяный Пахомыч был во мне. Так и тянет стошнить, а в голове до сих пор мат трехэтажный стоит.

– Пожалуйста, пожалуйста.

– Только не подглядывай за мной.

– Я никогда не подглядываю, только смотрю.

– И на всех смотришь?

– Как когда. Я сравниваю тело Эльзы с седьмого этажа с другими женщинами и делаю вывод, что многие запускают себя. Ее тело для меня идеал человеческого пропорционального тела. И когда вижу шевелящуюся массу Матвеевны в ванне с четвертого этажа, хочется взять ее большими руками и выдавить излишки, подогнав в размер Эльзы. Кстати, обрати внимание на свою печень, она у тебя увеличена.

– Ты и внутренности наши видишь?

– Ничего удивительного, если я смотрю через все.

– Так ты и болезни наши можешь увидеть как рентген?

– А что толку? Сказать то я все равно не могу, разве что ты теперь можешь намекнуть, да ты теперь и сам все можешь увидеть. Убедился ведь? Так как? Идем, на портрет девочки глянем, пока душа ее спокойна?

– Погоди, сначала прилягу.

– Ложись и за мной. Предупреждаю, если ее душа обратит на тебя внимание, не разговаривай с ней, сразу уходи, но не домой, а куда-нибудь на улицу, а потом домой, чтобы

она за тобой не увязалась, она от портрета далеко не уходит.

Мы поплыли через этажи на пятый. Почти все уже спали. В комнате у девочки было тихо, мы подплыли к кровати к портрету. Личико было превосходно, правильные черты лица озаряла бесхитростная детская улыбка. Глаза девочки излучали тепло, портрет жил своей жизнью.

– Ты кто? – вдруг прошипело рядом.

Я резко дернулся вверх от испуга и вмиг оказался выше крыши дома. Открылась великолепная панорама ночного города. Я стал подниматься еще выше и вдали показались огни еще двух ближайших городов и далее:

– О, боже.

В чистом безоблачном пространстве космоса заискрились созвездия «Кассиопеи», «Персея», ковшик «Большой медведицы».

– Ух – ху! – попытался я изобразить крик моего сына, увидев с огромной высоты Землю, – вот ты какая.

– Какая! Ты где опять? – голос жены прервал восторг.

– В космосе, – ответил я, переворачиваясь на бок.

– То сон тебе страшный снится, то по кухне шляешься, сам с собой разговариваешь, теперь космос. Чего не спишь?

– Погода портится, дождь, наверное, будет.

– М-м-м, хорошо, хоть выспимся, – промурлыкала жена.

И мне, наконец, приснился настоящий сон. Два огромных красных глаза в упор смотрели на меня.

Утром я проснулся от яркого солнечного света.

– Ну вот, а говорил дождь будет с утра.

Я посмотрел на часы, было половина одиннадцатого.

– Лен, а ты че не будишь? Солнце вон во всю резвится, на огород ехать надо.

– Так оно только минут десять как вышло, на другой стороне дома еще дождь моросит.

– Понятно, лежим пока.

– Лежи, лежи. Всю ночь куролесил, даже в космосе побывал. Я из-за тебя плохо спала. Сейчас вот тоже лягу, будет тебе сегодня огород.

– Ложись, – я повернулся на бок и уперся взглядом в красные глазищи домовенка.

– Ты так вчера быстро исчез. Как тебе рисунок Настены?

– Бесподобно. У нее глаза живые, поэтому душа и не уходит оттуда, покоя им не дает. Ей же кажется, что Настена здесь. Надо отцу сказать, чтобы портрет из квартиры вынес и оставил где-нибудь на время.

– Надо на кладбище в могиле Настены закопать, через сорок дней душа ее уйдет.

– Почему именно на кладбище?

– Душа всегда присутствует при погребении тела, а потом, когда не может его найти, уходит. Так и здесь.

– И как об этом сказать родителям Настены?

– Вот и придумай, что сказать. Найди того художника, который портрет рисовал, пусть попросит на время портрет, чтобы какую-нибудь свою картину закончить. Так более-ме-

нее правдоподобно. Пусть порасспросит про девочку, узнает про все и подскажет, что надо сделать с портретом.

– И как найти этого художника?

– Это уже тебе думать. Среди местных художников поискать надо.

– Понятное дело, что среди художников. А где эти художники обитают? Разве что интернет расспросить, может подскажет места их обитания.

Глава 2

В воскресенье вечером я направился в кафе, где по слухам интернета собирались местные художники. При моем появлении на меня многие обратили внимание. Похоже, здесь все были знакомы друг с другом. Все столики были заняты, поэтому пришлось довольствоваться еще незанятым стулом у стойки бара.

– Не на свое место сел, любезный, – сказал подошедший бармен, – и вряд ли какой столик освободится в ближайшие три часа.

– Что ж, это к лучшему, – сказал я, – значит вся художественная элита здесь.

– Вся, не вся, но почти все здесь. Ищешь кого?

– Для начала коктейль свой фирменный плесни, чтоб не скучно было общаться, пока хозяин стула где то бродит. Портрет жены хочу заказать карандашный. Чтоб как живая была.

– Что, одной живой дома не хватает? – кто то толкнул меня сбоку, – погрел место, освобождай.

– Пожалуйста, пожалуйста, – я уступил место завсегда-таю, – нет, давно мечтаю иметь такой живой карандашный рисунок. Слышал краем уха, что кто то из ваших девочку на празднике нарисовал, народ изумлялся – как живая.

– Хм, есть такой бродяга. Но что то давненько я его не ви-

дел, говорят, в творческом запое. Заиклился на портрете женщины в полный рост, обнаженной, с яблоком в руке. Ну, прям Ева перед искушением.

– А как его найти?

– Ха, его лучше не трогать, в творческом порыве может запросто с лестницы спустить. Здесь он неподалеку обитает, в «Изумруде». Дом так называется, этаж не скажу. Сам был навеселе, когда раз только был у него.

– Спасибо, теперь найду.

«Зеленый дом», как я его называл, был совсем рядом с моим. Так что, если домовенок поможет опять покинуть телеса, смогу поискать чудо-художника. Вообще, я сам люблю картины с фотографической точностью. Если изображена береза, то значит должна быть береза, если пшеничное поле, то чтоб не топором Ван Гоговским рубленное, а чтоб как у Шишкина, каждый колосок прорисован. И чтобы лицо человеческое излучало свет и все в нем было пропорционально. Вечером специально постелил себе в зале на диване, чтобы жену не беспокоить. Допоздна смотрел по телевизору свои каналы и жена пораньше пошла спать. Выждал еще полчаса и сам лег спать.

– Домовенок, отзовись.

– Тут я, тут. Ну что, узнал что-нибудь про художника?

– Здесь он неподалеку живет. Помоги мне с телом расстаться.

– Ну, так, расслабляйся до последней клеточки и выходи.

– Когда ты рядом у меня лучше получается. У-ф-ф, расслабляюсь.

Опять легкость и опять радость нового обретения.

– Поплыли на крышу, оттуда дом художника хорошо будет виден.

– Поплыли через Пахомыча, он опять сегодня пьян в стельку. Жена его чуть не убила за твою рвоту. За одним оценишь Эльзу, она как раз в ванной.

Тело Пахомыча навзничь лежало на диване на клеенке, рядом стоял тазик.

– Что, опять будем пытаться его поднять в туалет?

– Мне интересно все таки, сможешь ли ты полноценно управлять чужим телом, тем более что помех со стороны его души нет?

– В чем интерес?

– Хоть какое то разнообразие, ночь быстрее проходит. Ночью все спят, скучно.

– Зато спокойно, где твоя Эльза?

– Чуть левее, на седьмом. Вот и она, уже расчесывается. Любит стоять подолгу перед зеркалом и себя рассматривать.

– Да, великолепная банная красота, – воскликнул я, – стройный гибкий стан еще не тронутый целлюлитом. Хорошие пропорции. Бедра, грудь в меру, ну и, конечно же, бела. Личико без макияжа, просто прелесть ангельская. Поплыли дальше, а то проснусь и не полетаю больше. Волнительно для меня такое созерцание, как-нибудь специально наведе-

юсь. Художнику бы этому такое тело для вдохновения, любую Еву бы нарисовал без творческих мук. Вот и крыша, аж трясет всего от увиденного. А ты что, как воспринимаешь красоту женскую?

– Просто, без волнения, но часто смотрю на нее.

– Вот ведь. Сидишь, что-нибудь делаешь, ешь, спишь, любовью занимаешься с женой, а в этот момент кто-то потусторонний пялится на тебя в упор, да еще не один и все без интереса. Но вот как раз у душ человеческих неприкаянных интерес то как раз и есть и очень живой, и может даже алчный. Ну, да ладно. Я художника попробую найти, а ты к Эльзе? Пока не оделась.

Я выплыл на крышу и полетел к «Изумруду». Дом почти весь спал, я стал осматривать только светящиеся окна и почти сразу наткнулся на художника. Вся его большая студия была буквально завалена картинами, эскизами, рисунками и на многих из них было изображено лицо Настены. Но только лицо было узнаваемое, не живое. Посередине стоял большой мольберт с холстом, на котором была изображена в рост обнаженная молодая девушка. С ее плеча сползала прозрачная накидка, грудь была полуоткрыта. В левой, чуть вытянутой вперед, руке, она держала надкушенное яблоко, правой, у плеча, она пыталась сдержать сползающую накидку. Она стояла чуть вполоборота и на меня смотрела с едва заметной улыбкой повзрослевшая Настена. Но это была картина, просто картина. Голова, шея, руки, туловище бы-

ли прописаны идеально. Даже накидка струилась как настоящая ткань. Но взгляд, глаза Настены были немые. Сам художник сидел за столом и сосредоточенно рисовал лицо, глаза. Весь стол был завален этими пустыми глазами. «Так вот она какая – его Ева», – мелькнуло у меня. «Он забыл ее глаза, он не может вспомнить глаза Настены». Художник ожесточенно смахнул со стола все рисунки, встал чуть покачиваясь, подошел к шкафу, открыл его и замер. Это был бар, солидный бар. Десятка два разномастных бутылок хороших горячительных напитков искушали воспаленный мозг. Он взял бутылку «Виски», налил в стакан, отхлебнул, сморщился, захлопнул дверцу бара и со стаканом снова уселся за свой рабочий стол. Сделал еще глоток и посмотрел на стоящую картину. Встал, подошел к ней и долго смотрел ей в глаза.

– Ты думаешь, ее детские глаза тебе больше подойдут? Но тебе же восемнадцать. И яблоко надкушено не для еды, а для мироздания человеческого. Ты все смеешься надо мной. Смейся, смейся. Тебе можно, а им нельзя! – последнее он почти выкрикнул, – мне бы еще хоть вполглаза глянуть на ту девочку и ты бы перестала надо мной смеяться. Ты бы обрела живой облик праматери.

Я вылетел в общий коридор квартир, запомнил номер и через мгновение был в себе. Встал, записал на листочке номер квартиры художника и лег, закрыл глаза. Мне снилась Ева с лицом Эльзы, укоряющие глаза Настены и домовенок в образе художника, жена с глазами жены и ее голос:

– Мы сегодня едем на огород? Нам к маме пораньше надо придти, банный день сегодня.

– Ага, обязательно, только поспим сначала.

– Какое поспим, десятый час уже. Я уже все собрала в дорогу, вставай уже. Смотришь же ни попадя допоздна, потом дрыхнешь.

– Ага, Эльзу в душе видел. Симпатичная.

– Какую такую Эльзу? По телику что ли.

– Ага, по телику, – открыл я глаза, – но как живая.

Вечером, уже после огорода мы заехали к теще. Теще минул уже восемьдесят четвертый год, жила она одна, недалеко от нас. Глаза видели уже плохо, и недавний микроинсульт добавил хлопот. Банный день по воскресеньям для нее был как праздник. Пока жена готовила ванну, я показывал ей по телефону свежие фотографии наших цветов и внука.

– Смотри, растет мальчишечка, – как обычно, она всплеснула руками, – два месяца назад еще не такой был. Покажи еще, как он по лужам бегает, нравится мне это видео.

Я нашел ей этот сюжет, включил. Мой внук, ему еще только три года, пробежал по одной маленькой луже на дороге у их огорода, потом по следующей, остановился, пробежал дальше по другой, развернулся, опять пробежал по луже, остановился, сказал: «Папа» и пробежал по следующей, дальше и голос его мамы за кадром: «Я маме не покажу пока, а то ругаться будет. Позже когда-нибудь». Прабабушка, теща моя, рассмеялась:

– Он бегаёт, а я руки наготове держу, чтоб подхватить если что.

– Я сам частенько просматриваю этот сюжет. Мои дети так не бегали по лужам, а вот видишь, своему сыну дали волю.

– Ванна готова, – пропела моя жена.

Теща пошла мыться, я встал и подошел к окну. Под окном березы уже сменили свой наряд на осенний вальс. Длинные ветви плавно раскачивались по ветру.

– Опять осень. Хорошо, снова зимние каникулы, отдохнем от грядок и травы.

Я повернулся, чтобы снова сесть на диванчик и взгляд мой уперся в чемодан с аккордеоном. На нем училась и играла моя жена, потом сын играл довольно неплохо по памяти сразу несколько пьес. Я пытался разучить хоть одну мелодию, но памяти не хватало, чтобы запомнить очередность клавиш. Поднял чемодан на стул, открыл. Ему уже больше сорока лет, меха чуть прохудились. Взял на руки, одел ремни и попытался вспомнить хоть кусочек пьесы, которую играл. Но тщетно.

– Слух есть, а памяти нет. А ведь такой прекрасный инструмент простаивает.

Я провел рукой по клавишам и: «О, боже». Вальс «На сопках Маньчжурии» сам собой закружился в комнате. В меня хлынуло мое детство в Подмосковье, терновник и соседский Валька, которого я уговаривал с помощью ягод терновника в который раз сыграть этот вальс на баяне. Вальс кружил-

ся, переливался сам собой, по щекам текли слезы радости и недоумения, а я не мог остановиться, все играл и играл сам свой любимый вальс.

– Это ты как? – передо мной стояла жена, – ты же не умеешь играть.

– Не знаю, само собой как то получилось, – проямлил я, остывая от нахлынувшего волнения.

– А еще что-нибудь сможешь? «Дунайские волны», например. Я играла.

Я тронул клавиши и вальс «Дунайские волны» заполнил комнату до краев. Теща, с перевязанной полотенцем головой, в банном халате вошла в комнату и с изумлением уставилась на меня. Жена с удивленными глазами села на стул. А я не играл, я жил этой музыкой. Она словно несла и качала меня и я покачивался играя. Есть в этом моменте что то завораживающее, когда играешь сам, излучаешь музыку и музыка всецело захватывает тебя своими ритмами. Я доиграл последний аккорд и замер.

– Он сам играет, устал стоять уж тридцать лет и заиграл.

– Класс, – выдохнула жена, – я так не играла и Леха так не играл. Это что-то волшебное. Берем с собой аккордеон, теперь будешь дома при гостях играть. И все-таки, чтобы так играть, лет пять учиться надо, а ты его последний раз в руках держал года три назад, когда маму сюда перевозили, и то, когда с машины сюда заносил.

– Я сам ничего не понимаю, мистика какая-то. По но-

чам где-то летаю во сне, вижу обнаженных красавиц наяву и на холсте.

– Вот, вот. Чокнешься со своими тележками на работе, в профилакторий попросись, таблетки попринимаешь, поколешься, массажик там, глядишь и вернешься в русло.

– А как же музыка? Я теперь без нее никуда. Это такое соитие души и музыки, что все входит в резонанс и не хочется останавливаться. Не-ет, никаких профилакториев, на корню таблетками вытравят гармонию. Вот сейчас я согласен забрать аккордеон домой, он теперь долгими зимними вечерами будет согревать мне душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.